

Накормив обоих детей, Красавец уложил их спать. Силы его были на исходе, поэтому Чжао Ли'эр он отдал Хасану, а сам лёг, обняв Суриле. Мать с сыном не виделись больше полугода и сильно тосковали друг по другу. Лежа в постели, Красавец подолгу слушал рассказы Суриле. Тот говорил о прекрасной степи, о пони, которую подарил ему брат Иэрдань, о маленьком луке и стрелах от брата Фуло. Красавец слушал с радостью — его старшему сыну скоро исполнялось три года, и он тоже хотел сделать ему подарок. Он спросил:

— Су Су, скоро тебе три года. Что бы ты хотел получить?

Суриле широко раскрыл глаза и, словно его заранее научили, громко сказал:

— Мама, я хочу папу. Мама, выходи за Иэрданя, тогда у меня будет папа.

Лицо Красавца потемнело. Иэрдань, бесстыжий негодяй, даже младшего брата успел обучить такой ерунде, не боясь расплаты. Суриле обнял мать и стал умолять:

— Мама, выходи за Иэрданя. Он мне нравится, он каждый день приносит вкусное.

И ещё играет с ним. Мальчишке, которому нет и трёх, старший братец легко втёрся в доверие. У Красавца даже голова разболелась от досады. Суриле попросил ещё немного, потом снова захотел молока. Красавец, любя его, придержал, чтобы не вертелся, а тот уж потянулся к его одежде, ухватился за грудь и, насытившись, уснул.

Красавцу оставалось лишь горько улыбнуться. Сердце его таяло от любви к ребёнку, так что он позволил ему это.

Утром, когда ещё темно было, пришли доложить Красавцу: Правый князь Туци просит аудиенции. Красавец, сонный, взглянул на ребёнка — тот крепко спал рядом. Тело его пробудилось, ему захотелось близости, и он позволил Улэйжо войти.

Едва Улэйжо переступил порог, Красавец жестом велел ему молчать — ребёнок на постели, будить нельзя. Улэйжо вспыхнул, тихо подошёл и обнял его.

Красавец, разумеется, понимал, зачем пришёл муж, и не сопротивлялся, позволил себя обнимать и целовать. Улэйжо отнёс его в самый дальний угол шатра, бережно уложил на меховую подстилку и тут же принялся сбрасывать с себя одежду. Оба хотели этого. Красавец, полулежа на мягких мехах, раздвинул длинные ноги и смотрел, как муж входит в него.

Едва войдя, он сладко ахнул и тут же прикрыл рот ладонью — как бы не разбудить Суриле. Улэйжо, тяжело дыша, приник к нему, отнял его руку и губами заткнул ему рот. Красавец обвил шею мужа руками, с наслаждением целуя его и отдаваясь. Ему было всё равно, что он предаёт брата, — он очень любил Улэйжо, этот мужчина был так внимателен к нему. Он закинул одну ногу ему на плечо, наслаждаясь каждым движением. Любовь была жаркой, они страстно целовались, и казалось, чувства переполняли их. Они были новобрачными и не могли насытиться друг другом.

Красавец сел лицом к Улэйжо, на его бёдра. Улэйжо обнял его за талию, ритмично входя, и целовал его шею, затылок, руки. Красавец, наслаждаясь, положил лоб на его плечо, глядя вниз, на толстый член мужа, входящий в его влажное лоно. Он был близок к пику, и тихое, прерывистое дыхание срывалось с его губ:

— М-м... мм-м...

Он закрыл глаза, отдаваясь ощущениям, как вдруг у входа в шатёр вновь раздался голос стража:

— Яньчжи, Левый князь Гули просит аудиенции.

Красавец, сидя на члене мужа совсем голый, услышав это, почувствовал и отвращение, и лёгкое возбуждение. Он простонал:

— Мм... м-м... Не приму...

И, сказав это, снова прильнул губами к губам Улэйжо, целуя его и умоляя:

— Чаган... Чаган... кончи в меня...

Улэйжо тоже был на пределе, он крепко сжал его ягодицы и стал входить резко и глубоко, а услышав его стоны, совсем потерял голову, яростно насаживая его на себя, при этом облизывая его нежные груди:

— Правда не примешь?

Красавец, доведённый до слёз, сжал его внутри себя, отчаянно желая кончить, и после нескольких особенно сильных толчков забился в оргазме, а Улэйжо тут же заполнил его своим семенем. Они продолжали целоваться, медленно двигаясь, наслаждаясь отзвуками наслаждения. Красавец уже был возбуждён до предела и хотел ещё.

Но снаружи страж вновь доложил:

— Яньчжи, Левый князь Гули говорит, что не уйдёт, пока вы его не примете.

Красавец, прижимаясь к мужу, с досадой пробормотал:

— Ну и надоедливый же он.

Улэйжо, весь поглощённый им, снова принялся целовать его ухо. Оба утонули в любви, и никому не было дела до Иэрданя снаружи.

Красавец удовлетворился лишь после ещё двух сношений. Его лоно, наполненное семенем, довольно сжалось, и он с наслаждением поднялся с бёдер мужа. Улэйжо хотел продолжать, но Красавец, повернувшись к нему задом, позволил войти в задний проход, предупредив, чтобы тот не кончал внутрь — иначе будет трудно отмыться. Улэйжо послушно излился на его ягодицы, а губами не отпускал его сосок.

Когда наконец рассвело, Улэйжо, вполне довольный, вышел из шатра жены и столкнулся нос к носу с Иэрданем, чьё лицо было разбито в кровь.

Иэрдань шёл, чтобы принести еды младшему брату и заодно угодить Красавцу, но увидел, как его сводный брат выползает из шатра его жены — и по румяному, довольному лицу было ясно, что тот в полной мере наслаждался своим.

Впервые в жизни Иэрдань потерпел такое поражение. При жизни отца он был самым любимым, всегда и во всём обходил своего сводного брата. А теперь тот украл у него жену, и жена явно приняла его сторону.

Развратники. Проклятые развратники.

Иэрдань заплакал от ярости — впервые в жизни из-за женщины.

Никогда ещё он не чувствовал себя таким жалким. Бороться с братом за жену, а она уже спит с ним!

Может, он слишком о себе возомнил. При отце он был баловнем, самым дерзким, даже со старшим братом порой спорил. Но стоило отцу уйти — и всё в Хунну перевернулось. Он помог брату изгнать Хуяня, а оказалось, что родной брат — такой же ублюдок.

Он считал Яньчжи своей. Даже когда её похитил Ханьский император, он поклялся вернуть её. Старший брат не хотел войны с Хань и не отправил его, задиру, послом в Лоян, а послал более сдержанного Улэйжо. И этот окаянный ублюдок переспал с его женой! А ведь он, уезжая, тысячу раз просил брата помочь вернуть Яньчжи.

Все эти дни он и бунтовал, и дрался, но теперь, кажется, понял: Фуло, видимо, тоже на стороне Улэйжо, хочет откупиться землями, чтобы он успокоился. Теперь и сама Яньчжи всё решила — ему конец.

Иэрдань плакал от унижения, но, с красными от ярости глазами, велел стражнику передать: он хочет видеть Яньчжи, а не то ворвётся силой.

Стражник, смертельно боявшийся этого беспредельщика-Левого князя Гули, с трудом проник в шатёр и передал просьбу. Красавец, только что переодевшийся, сидел у постели и смотрел на спящего сына. Выслушав, он холодно бросил:

— Пусть войдёт.

Стражник, не понимая, что на уме у Яньчжи, передал приглашение. Иэрдань, радостный, с коробкой еды в руках, вошёл — и тут же почуял тяжёлый, сладковато-горький запах семени.

Красавец даже не стал скрывать. Прикрыв собой сына, он холодно спросил:

— Что тебе?

Иэрдань, увидев свежие следы поцелуев на его шее, покраснел глазами. Такого унижения он ещё не знал. Принц, из-за женщины устроивший переполох во всём Царском дворе, а она... спит с другим, прямо у него под носом.

Бесстыдники. Бесстыдники оба!

Иэрдань, охваченный грязными мыслями, не вынес этого запаха. Он швырнул коробку с едой на пол и выбежал вон — найти Улэйжо и свести счёты. Но Улэйжо закрылся от него. Тогда он пошёл к старшему брату, но Шаньюй, видимо, уже в курсе дела, тоже не принял его. Оба брата его отвергли.

Иэрданю некуда было девать ярость. Он снова принялся за вино. Целый день он пил, запершись в шатре, и пил, и плакал.

Иэрдань проплакал весь день, а к вечеру оба его брата снова от него прятались. Фуло больше не желал быть миротворцем, а Улэйжо наглухо заперся в шатре, и сколько Иэрдань ни орал, не выходил.

Красавец же просидел в шатре весь день. Прогуляться бы, да боялся наткнуться на этого

исчадия. В конце концов он послал Улэйжо записку: пусть придёт глубокой ночью и составит ему компанию на прогулке.

<http://bllate.org/book/16253/1462203>